

против всех

Валерий Смирнов

Аферы на выборах

Валерий Маркович Смирнов

Аферы на выборах

Серия «Против всех»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10323973
Аферы на выборах: Алгоритм; Москва; 2008
ISBN 978-5-9265-0504-4

Аннотация

Абсолютно за каждой российской избирательной кампанией тянется длинный шлейф подтасовок, судебных процессов и скандалов, после которых в честность проходящих в России выборов не верят даже дети. О представительности же, то есть выражении выборами воли большинства населения страны, даже не стоит говорить: ее нет, так как большинство избирателей «голосует ногами», попросту не приходя на избирательные участки. А точнее, выражает свое отношение к этим выборам, заранее будучи уверенным в том, что они – фальшивка. И это не в силах скрыть даже раздутые официальные проценты принявших участие в голосовании.

Иначе говоря, стало очевидным – выборы в России превратились в общегосударственную аферу. Показать, почему так произошло и в чем состоит механизм общероссийского избирательного фарса, – задача этой книги.

Содержание

Предисловие	5
1	10
1.1. Свободные выборы – знамя демократов	10
1.2. Власть брошена	21
1.3. Раскол победителей	27
1.4. Вождь демократов	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Валерий Марксович Смирнов Аферы на выборах

© Смирнов В.М., 2008

© ООО «Алгоритм-Книга», 2008

* * *

Предисловие

Российские выборы за два последних десятилетия прошли впечатляющий путь.

В 1989 году две трети членов вновь созданного высшего органа государственной власти СССР – Съезда народных депутатов – стали избираться на альтернативной основе. Что впервые за многие годы предполагало наличие более чем одного заранее отобранного партийной машиной кандидата в депутаты. Причем в кандидаты можно было выдвинуться самостоятельно, без какой-либо партийной поддержки, получив большинство голосов предвыборного собрания с числом участников не менее 300 избирателей.

Соответственно, у избирателей появилась реальная возможность выбрать того, кто, по их мнению, наиболее верно отражал их интересы, ведь 300 человек – это, по сути, небольшая социальная группа, состоящая из знакомых между собой людей и знакомых их знакомых, объединенных общим общественным интересом.

В 1990 году точно так же был сформирован Съезд народных депутатов самой крупной республики в составе Союза – РСФСР.

В выборах, как и ранее, принимало участие более 90 % избирателей России, причем число кандидатов по каждому избирательному округу составляло зачастую более десятка,

а число избирательных бюллетеней в целом по стране составило около 100 миллионов.

Несмотря на то, что на Съезд избиралось более 1000 депутатов, результаты выборов были подведены в течение 3—4 дней, а в окончательном виде появились уже через неделю.

При этом бюллетени подсчитывали» вручную (компьютеров тогда было мало, да и никто не видел в них особой необходимости для подведения итогов голосования), а избирательные комиссии создавались лишь на период выборов, с участием действовавших депутатов и минимальным числом штатных работников. Соответственно, и расходы на сами выборы, по сравнению с нынешними, были в несколько раз ниже, не говоря уже о том, что стоимость избирательной кампании не выражалась астрономическими суммами, как сейчас.

Самым же существенным было то, что никто, как внутри, так и вовне России, во-первых, не сомневался в том, что выборы были представительными, то есть выражали волю большинства населения России, и, во-вторых, что они были честными, то есть население избрало действительно тех, кого оно хотело избрать. Несмотря на отсутствие международных наблюдателей и проверок на соответствие избирательного процесса общечеловеческим ценностям.

За 17 лет, прошедших с тех пор, в России появилось постоянно действующее министерство выборов – Центризбирком с многотысячным штатом сотрудников. Число избира-

телей, участвующих в выборах, сократилось официально до 30–35 %, а неофициально – почти вдвое меньше (почему в очередной версии закона о выборах вначале порог явки снизился до 20 %, а потом и вовсе сократился до 0). Количество поданных избирательных бюллетеней, с учетом стремительного сокращения населения страны, уменьшилось как минимум втрое, а фактически – почти в пять раз. На выборах применяется самая совершенная вычислительная техника, связанная в тотальную избирательную систему ГАС «Выборы». Число кандидатов по избирательным округам уменьшилось до нескольких человек, да и на всю страну до недавнего времени оставалось всего 225 думских мест (остальные депутаты появлялись из партийных списков, независимо от того, что избиратели думали по поводу каждого из них конкретно). И это еще до введения в этом году так называемой пропорциональной системы, когда во всех бюллетенях будут одни и те же кандидаты – партийные списки. Затраты как на сами выборы, так и на содержание министерства выборов со всеми его местными филиалами ежегодно исчисляются миллиардами рублей.

Однако теперь для подведения официальных (а не предварительных) результатов выборов требуется более двух недель. И при этом абсолютно за каждой избирательной кампанией тянется длинный шлейф подтасовок, судебных процессов и скандалов, после которых в честность проходящих в России выборов не верят даже дети. Как внутри, так и

вовне страны. Несмотря на многочисленных наблюдателей и регулярные заявления о соответствии выборов неким «международным стандартам».

О представительности же, то есть выражении выборами воли большинства населения страны даже не стоит говорить. Ее нет, так как большинство избирателей «голосует ногами», попросту не приходя на избирательные участки. А точнее, выражает свое отношение к этим выборам, заранее будучи уверенным в том, что они – фальшивка. И это не в силах скрыть даже раздутые официальные проценты принявших участие в голосовании.

Низкие проценты участия в выборах в странах с «развитой демократией» обычно принято объяснять так: мол, там и так все хорошо, избиратель всем доволен, потому и аполитично не ходит на выборы. Ему, дескать, безразлично, кто бы ни победил. Оставляя в стороне справедливость подобных утверждений – пусть они сами разбираются со своей демократией – заметим сразу, что в России это не так. В стране в течение последних двух десятилетий сверху интенсивно проводится политическая и экономическая перетасовка, кокетливо называемая реформами. Это затрагивает жизненные интересы всех жителей России, и потому трудно заподозрить их в безразличии к тому, что с ними собираются сотворить власти, как бы избранные от их имени. Поэтому отказ населения от участия в выборах означает только одно – избиратели России в подавляющем своем большинстве не ве-

рят в то, что через такие выборы они действительно могут выразить свою волю.

Иначе говоря, стало очевидным – выборы в России превратились в общегосударственную аферу. Показать, почему так произошло, и в чем состоит механизм общероссийского избирательного фарса – задача этой книги.

Накануне расстрела российского парламента в 1993 году автор работал в Комитете по конституционному законодательству Верховного Совета России и присутствовал при зарождении тех механизмов «управляемой демократии», а проще говоря, манипулирования выборами, которые закладывались в новую Конституцию России. Позднее, принимая непосредственное участие в думских и президентских избирательных кампаниях и сопутствовавших им судебных процессах, был свидетелем претворения этих механизмов в жизнь. Этим знанием я и собираюсь поделиться с читателем.

1

Как демократы разлюбили демократию

1.1. Свободные выборы – знамя демократов

Главным, стержневым лозунгом перестройки, начатой в Советском Союзе в конце 80-х годов XX века, была демократизация всего общества. Под демократизацией подразумевались в первую очередь свободные выборы. Они означали не только сам выбор одного из многих кандидатов, что для советских избирателей уже само по себе было в новинку, но и то, что кандидатов можно выдвигать совершенно свободно, а не по указке того или иного партийного органа. Таким образом, у народа, избирателей появился реальный шанс выбрать того, кого они посчитали наиболее достойным. Сторонники перестройки, получившие потому название демократов, считали, что таким образом народ будет сам определять пути развития общества, а это главное условие того, что они будут успешными.

Надо отметить, что первые выборы на альтернативной ос-

нове состоялись по горбачевской инициативе еще в 1989 году. Это были выборы на Съезд народных депутатов СССР. Затем в 1990 году такие же выборы прошли на Съезд народных депутатов РСФСР. И главное, выдвижение самих кандидатов на выборах было исключительно свободным. Для тех, кто представляет себе, чего стоило выдвижение кандидата в депутаты в России в недавнем прошлом (сбор десятков тысяч подписей или избирательный залог в сотни тысяч рублей), а ныне, с введением голосования по партийным спискам, стало просто невозможным, одна только процедура выдвижения кандидатов в народные депутаты СССР напечалит о том, в каком «царстве свободы» мы жили еще совсем недавно.

Для того чтобы выдвинуться и предложить себя в качестве кандидата в том или ином избирательном округе, любому человеку достаточно было собрать избирательное собрание численностью не менее 300 избирателей, известить о нем местную избирательную комиссию (именно известить, а не попросить ее соизволения на его проведение), и на этом собрании получить большинство голосов, то есть как минимум 151 голос. Этого было достаточно для выдвижения кандидатом в народные депутаты. Наверное, более демократичного способа отбора будущих законодателей Россия за всю свою историю еще не знала.

Так же просто было создать политическую партию. К ней в то время предъявлялось только одно требование: чтобы у

нее было не менее 5 тысяч членов. Это требование для такой огромной страны, как СССР, и таких городов, как Москва или Ленинград, было вполне выполнимым. Естественно, помимо коммунистической появились и другие партии. Зарегистрировав себя в Министерстве юстиции как общественные организации (тогда же появился первый закон об общественных организациях), эти партии имели право выдвигать своих кандидатов во всех избирательных округах Советского Союза без собрания 300 человек. Собственно, это была единственная привилегия, которой они пользовались.

Само собой разумеется, что людям, желавшим проявить себя в государственном управлении, но не объединенным какой-либо общей политической идеей, проще было выдвинуть себя по одномандатной системе в любом избирательном округе, чем создавать свою политическую партию. А те, кто действительно был объединен неким общим стремлением, общей идеологией, тому наоборот, имело смысл создавать политическую партию и выдвигать себя уже как представителей единой политической силы с общей программой.

Об этом стоит сейчас вспомнить хотя бы для того, чтобы представить себе, как государственная власть, если она действительно этого хочет, может способствовать проявлению политического сознания и воли своих граждан.

Поэтому на первых свободных альтернативных выборах на Съезд народных депутатов СССР, а затем и РСФСР в каждом из избирательных округов (тогда в каждом из них бы-

ло около 100 тысяч избирателей) выдвигалось по 10, 14, а иногда и более 20 кандидатов. Тем не менее все они могли, во-первых, вести избирательную кампанию, совершенно свободно встречаться с избирателями; и, во-вторых, выборы в этих избирательных округах проходили при невиданной ныне явке избирателей. Например, на выборах народных депутатов СССР в марте 1989 г. явка избирателей составила 99,9 %, хотя никакого принуждения к голосованию тогда не существовало. По сути эти 99,9 % стали реальным рейтингом доверия избирателей новой избирательной системе. Кстати, около 10 % избирателей пришли на выборы, чтобы проголосовать «против всех»¹. Однако то, что они сделали это, придя на избирательные участки, а не «ногами», то есть, не участвуя в выборах, как это принято сейчас, тоже свидетельствует о доверии, испытываемом избирателями к либеральной советской избирательной системе.

Особо надо подчеркнуть, что, несмотря на такое обилие кандидатов в депутаты и впятеро большее, по сравнению с нынешним, количество избирательных округов, эти выборы проходили без особых нареканий. То есть каких-либо жалоб на массовую подтасовку результатов выборов, без чего не обходятся ни одни выборы в России, начиная с декабря 1993 года, не было. Единственное, на чем сходились все наблюдатели – это на склонности избирателей отдавать предпочте-

¹ Данные Института региональной политики http://regionalistica.ru/comments/comment_mosduma/.

ние местным кандидатам, а не каким-то пришлым варягам, приехавшим из крупных городов. Но это было совершенно естественно. Очевидно, что избирателю ближе знакомые ему люди, о которых он может судить по собственным впечатлениям, живущие с ним в том же месте, с теми же проблемами.

Все это в совокупности дало очень интересный состав Съезда народных депутатов, в особенности Съезда народных депутатов России, поскольку он избирался на совершенно свободной основе, без квот депутатов от КПСС и прочих подчиненных ей общественных организаций, как Съезд Союза.

Фактически именно Съезд народных депутатов России стал уникальным органом в советской истории, который выбрал в себя представителей самых разных групп населения из всех частей страны. Он явился неким форумом народа, собранным на основе свободных выборов и, таким образом, весьма точно отражающим волю этого народа. Само его создание стало новым, необычным явлением, доселе не встречавшимся в советской практике.

Съезды народных депутатов, собиравшиеся еще в ленинский период, на заре советской власти, избирались в условиях ограничения избирательных прав отдельных групп населения и потому носили совершенно иной характер. Этот же Съезд народных депутатов был наделен конституционными полномочиями, являлся высшим органом государственной власти, имел право принять к рассмотрению и разре-

шить любой вопрос, касающийся государственной жизни, принять любой закон. Таким образом, в системе советской власти вдруг неожиданно появился широкий и свободно избранный форум народных представителей, который давал возможность откликаться на любую волю народа, во всяком случае, претворять ее непосредственно в действия государственной власти.

Характерная деталь. Как уже говорилось, создать в то время политическую партию было достаточно легко. В любом случае, в такой стране, как Советский Союз, 5 тысяч граждан было достаточно, чтобы считать их политической партией, а в его осколке – РФ их ныне требуется 50 тысяч. Очевидно, что советская демократия, в отличие от российской, была направлена не на то, чтобы сократить число политических партий, а наоборот, чтобы дать им возможность проявиться. Так вот, несмотря на легкость создания политических партий, количество депутатов, которое было от них избрано, оказалось невелико.

Единственным исключением были члены КПСС и ее российской секции – КПРФ. Поскольку, во-первых, это была на тот момент практически единственная массовая партия, а во-вторых, на население СССР в целом приходилось порядка 20 миллионов членов КПСС. Таким образом, фракция КПРФ на Съезде автоматически оказалась самой многочисленной. Остальные же политические партии получили на российском Съезде сравнительно небольшое количество

ГОЛОСОВ.

Откуда следовало, что российский избиратель, массово придя на выборы, склонен верить не политическим партиям и их программам, в том числе и программе КПСС-КПРФ, а скорее конкретным личностям, которых он видит, знает и которым готов оказать доверие. Это доказывает, что система выборов конкретных кандидатов, а не партийных списков, так называемая мажоритарная система, изначально соответствовала политическому мировоззрению российского избирателя. Пропорциональная же система голосования за безликие списки политических партий отчуждает уже по самому своему принципу выборный орган от избирателя. Во всяком случае, уже самые первые альтернативные выборы в России дали тому весомое подтверждение.

Однако депутаты от мажоритарных округов, придя в орган государственной власти, каким являлся Съезд народных депутатов, естественно, обладали собственными политическими взглядами, собственными мнениями. В целом их можно было разделить на две категории. Во-первых, демократы, то есть те, кто поддерживал демократические перемены в стране. Это были люди самых разных взглядов, от прозападных и неолиберальных до националистических и патриотических. Вторые – это те, кто концентрировался вокруг идеологического ядра КПСС-КПРФ с известными и поныне политическими персонажами, такими, как Зюганов, Купцов и им подобными. Таким образом, это как бы делило Съезд

народных депутатов на два политических лагеря: демократов и партократов (возможно, это не самый лучший термин, но именно он был в ходу в то время). И если партократов, сторонников традиционной системы советских ценностей, объединяла вокруг себя КПСС, впоследствии трансформировавшаяся в КПРФ, то организационным ядром демократов стала Демократическая Россия.

Особенностью этой общественной организации, возникшей на волне перестройки, являлась весьма серьезная организационная и идеологическая помощь с Запада. Эта помощь самой ДемРоссией не выпячивалась. Тем не менее она чувствовалась хотя бы по тому, что все те, кто примыкал к Демократической России, обладали серьезным доступом к самым разным современным инструментам политической борьбы, бывшим еще в новинку в СССР: от литературы до оргтехники. Стоит отметить, что оргтехника в советское время была в крайнем дефиците. Ксероксы были только в учреждениях и находились под замком за железными дверями; доступ к ним для размножения каких-либо документов был крайне сложен. Поэтому те, кто пользовался поддержкой Демократической России, получали как минимум помощь оргтехникой, что становилось козырем в политической борьбе того времени, а в случае идеологических симпатий западных спонсоров и финансовую помощь.

Противоборство с партократами в 1990–1991 годах привело к серьезным успехам демократов, что отражало расту-

щее в стране недовольство политикой генсека КПСС – Горбачева. Лидер демократов Ельцин был избран вначале председателем Верховного совета Российской Федерации. Затем практически под него было организовано изменение Конституции РСФСР, введен пост президента, были назначены выборы по ускоренной схеме, то есть в 3 месяца, несмотря на то, что официально по Конституции на выдвижение кандидатов в президенты и на предвыборную кампанию отводился полугодовой срок. Искусственно создавалась ситуация спешки, когда нет альтернативы, фактически существует только один достойный кандидат, и всех убеждают в том, что голосовать можно только за него.

Впервые этот сценарий был разыгран в 1991 году, и легко заметить, что с тех пор президентские выборы в России проходили только по нему: и в 1996, и в 2000, и в 2004 году. Однако стоит отметить, что первыми его разыграли именно демократы и при непосредственной руководящей и направляющей помощи своих кураторов из-за рубежа. Так что у этого «туземного» сценария выборов не вполне российские корни.

То, что было российским нововведением, так это появление на политической сцене своеобразного персонажа, превращающего предвыборную кампанию в нечто вроде политической клоунады. Именно таким стало появление в числе кандидатов в президенты России Владимира Жириновского. Для регистрации кандидатом в президенты по закону того времени необходимо было собрать 100 000 подписей из-

бирателей в свою поддержку, на что Жириновский со своей карликовой партией рассчитывать, разумеется, не могли. Либо получить поддержку 1/5 народных депутатов РСФСР (более 200 человек). Так вот Жириновскому каким-то образом разрешили выступить на заседании Съезда, а затем провели голосование, сделавшее его кандидатом в президенты². С учетом того, что самой крупной организованной силой на Съезде тогда были депутаты КПСС, а сам Жириновский играл роль некой третьей силы, понятно, что его реальная задача была не дать оппозиции сконцентрироваться вокруг какой-то единой серьезной программы, противопоставленной кандидату власти. Кстати, тогда, по некоторым сведениям, на избирательную компанию Жириновского управление делами ЦК КПСС выделило три миллиона рублей³. В этой истории любопытнее всего то, что с тех пор спрос на политическую клоунату в Кремле не только не снизился, а даже возрос, несмотря на неоднократную смену его хозяев и даже свершившийся в 1993 году государственный переворот. Во всяком случае, до сих пор партия власти держит при себе Жириновского и имитирует с его помощью некую невнятно-популистскую оппозицию.

Все это вместе взятое показывает, насколько пестрой была политическая сцена России в момент перестройки. Одна-

² Любарев А. Выборы в Москве: опыт 12 лет // <http://lyubarev.narod.ru/elect/book/ch2-6.htm>.

³ Лентапедия: <http://lenta.ru/lib/14159799/full.htm>.

ко главное, в чем сходились все отличные от традиционной КПСС политические направления – это продвижение демократии, то есть в первую очередь свободных выборов на альтернативной основе. В этом было главное отличие демократов от партократов. К этим выборам они стремились честно и искренне, несмотря на разнообразие своих политических взглядов. Они считали, что если народ будет иметь право выбора, то он выберет ту политическую ориентацию, которую считает правильной. Для проведения этой политической позиции в жизнь есть орган – Съезд народных депутатов, который реализует ее как высшей орган государственной власти. И таким образом будущее развитие России в любом направлении, каким бы его ни видели представители тех или иных конкретных партий, будет определяться непосредственно волей народа. Эта позиция цементировала самые разные по политическим взглядам силы и объединяла их в политическое движение демократов. И именно потому, что народ России поверил в их искренность, в 1990–1991 годах они одержали идеологическую победу над гораздо более организованной и массовой КПСС.

1.2. Власть брошена

Сразу же после того как демократы овладели государственной властью в Российской Федерации, положение в СССР, казалось бы, начало развиваться по их сценарию. В августе 1991 года произошло то, что позднее получило название Августовский путч. Фактически это была попытка ортодоксальных деятелей традиционной КПСС развернуть ситуацию с перестройкой, которая привела к дестабилизации и разложению социалистической системы, и хотя бы вернуть ситуацию в круги старого, накатанного, уже испытанного советского строя. Дать задний ход, раз перестройка не удалась.

Но для того чтобы дать задний ход, надо обладать не меньшей стойкостью и моральными качествами, чем для перестройки. Очевидно, что этих качеств не было уже не только у Горбачева, но и у верхушки КПСС в целом, почему, собственно, она и разложилась. Как следствие – объявившие августовский путч так и не смогли реализовать его до конца и в результате как-то бессовестно сдались на милость своим противникам.

В 1991 году, если сравнивать эту ситуацию с 1993 годом, у властей было гораздо больше возможностей для того, чтобы силовым образом подавить любую оппозицию в Белом доме, но аппаратчики КПСС на это не пошли. У них на это про-

сто не хватило духу, а, проще говоря, смелости взять на себя ответственность. Каждый из них боялся этой ответственности, ждал, что за него это сделает кто-то другой, и если события вдруг развернутся не в том ключе, как предполагалось, то можно спрятаться в кусты. То есть проделать нечто вроде того, чем обессмертил себя в истории Руцкой, показав, как он защищал Конституцию РСФСР с автоматом в фабричной смазке – свидетельством того, что из него не было сделано ни одного выстрела. Примерно так же трусливо августовские путчисты защищали советский строй.

Собственно, в 1993 году ситуация была отчасти похожая, но у тех, кто подавлял октябрьское восстание в Москве, было гораздо больше решимости, к тому же этому способствовали определенные международные силы, о чем речь еще впереди.

Во всяком случае, в 1991 году возврата к доперестроичному советскому строю не случилось, поэтому ситуация выглядела парадоксальной. С одной стороны, существовали небольшие демократические партии, как обручем стянутые оргструктурами ДемРоссии, а с другой – существовала огромная машина КПСС со своим российским аналогом – КПРФ, которая, струсив, так далеко забилась в кусты, что ее было не видно и не слышно, как будто она вообще перестала существовать. Поэтому вставший вопрос о роспуске КПСС-КПРФ стал уже чисто формальным, поскольку ее руководство фактически сбежало от своей партии, утратив всякую

возможность к сопротивлению. Сложилась ситуация, схожая с той, которую Ю.И.Мухин описывает при гибели Польши в 1939 году, когда руководство страны тоже попросту сбежало, бросив свою армию и народ.

Примерно то же самое случилось и с руководством КПСС. В итоге Демократическая Россия осталась единственной реальной политической силой в России. Лучшей тому иллюстрацией является история с так называемым Беловежским путчем – подписанием трехстороннего соглашения между Россией, Украиной и Белоруссией о роспуске Советского Союза в декабре 1991 года. С юридической точки зрения это соглашение было полнейшей бессмыслицей, поскольку Советский Союз как образование, основанное на договоре между союзными республиками, существовал только до 1924 года, до принятия первой Советской Конституции. Договор о создании СССР – это договор 1922 года, который в 1924 году прекратил свое действие в связи с созданием Союза ССР как единого государства и соответственно с созданием единой Советской Конституции.

Естественно, что в 1991 году никто не рвался это объяснять широким массам. Просто этот договор, якобы существующий, но на самом деле давно прекративший свое существование, вдруг объявили действующим и как бы его расторгли. Мол, захотели – заключили договор, расхотели – прекратили.

Этот юридический блеф, что тоже характерно, был при-

нят и поддержан всем так называемым мировым сообществом, конкретно западными странами во главе с Соединенными Штатами.

Для понимания неординарности такого подхода стоит напомнить, что в свое время Соединенные Штаты не поддерживали и формально не согласились с присоединением Прибалтики к Советскому Союзу в 1940 г. и продолжали поддерживать с СССР дипломатические отношения, не считая при этом Прибалтику частью Советского Союза. Такой вот был политический парадокс на протяжении десятилетий. И если исходить из тех же критериев юридической и политической принципиальности, очевидно, они должны были бы не признать и раздел Советского Союза, поскольку с юридической точки зрения он был абсолютно незаконен.

Но этого, разумеется, не случилось, так как политический интерес США как раз состоял в разделе Советского Союза, а если выразиться точнее, то в его уничтожении как геополитического противника. При этом раздел подразумевался как этап к такому «окончательному решению советского вопроса». Те, кто имел дело с Демократической Россией того времени, пользовавшейся все более открытой и откровенной государственной поддержкой США, помнит, что политический курс на раздел Советского Союза был в то время своего рода пропуском к спонсированию любой политической организации в СССР с американской стороны.

Вспоминается казус 1990 года, когда Ельцин в пору оче-

редной волны притеснений русских в Эстонии позволил себе высказаться в том духе, что, мол, Россия их не оставит. Товарищи из вашингтонского обкома через своих партторгов из ДемРоссии быстро растолковали ему, какие нужно иметь взгляды, если хочешь остаться во главе демократического движения. И через пару дней привыкший еще с молодых соплей схватывать на лету вышестоящие указания Борис Николаевич публично развернулся на 180°, объявив, что залог обеспечения прав русских – независимая Эстония...

Это очень важно подчеркнуть сейчас, потому что ныне США стараются всячески откреститься от того, что они каким-то образом способствовали разделу СССР. Будто бы он произошел как бы сам собой, помимо их воли и влияния, и вызвал в американском руководстве чуть ли не сожаление о происшедшем. Во всяком случае, в последнем выступлении американского посла, которое я видел по Российскому телевидению летом 2007 г., высказывалась именно такая точка зрения.

Кроме того, Беловежское соглашение по нормам действовавшей тогда российской Конституции должно было быть одобрено Съездом народных депутатов, поскольку это был договор, предусматривавший изменение конституционного устройства Российской Федерации как части СССР. А изменение Конституции было в компетенции исключительно Съезда народных депутатов.

Однако это соглашение на протяжении всего периода вре-

мении вплоть до государственного переворота 1993 года президентская команда так и не осмелилась вынести на обсуждение Съезда народных депутатов, хотя в апреле 1992 года состоялся VI Съезд, в декабре 1992 года – VII Съезд народных депутатов, в марте 1993 года VIII и IX Съезды. Ни на одном из них Беловежские соглашения так и не были выставлены на ратификацию. То есть юридически так и остались недействительными.

Примечательный штрих. Когда в декабре 1991 года сразу после их подписания они были вынесены на одобрение Верховного совета России (что было необходимым этапом перед их представлением Съезду народных депутатов), за них проголосовало большинство членов Верховного совета. Причем среди этого большинства оказались почти все члены фракции коммунистов России; это лишь подчеркивает тот факт, что тотальная победа демократов в 1991 году происходила при полной деградации КПСС, которая разлагалась прямо на глазах и толпами сдавалась на политическую милость победителей.

1.3. Раскол победителей

И вот именно в этот момент оказалось, что виды на случившуюся победу у демократов разные. Поскольку в самой ДемРоссии все-таки далеко не все стояли на позиции, настойчиво навязываемой из-за рубежа и состоявшей в том, что главной победой демократии должно стать разрушение Советского Союза.

В Демократической России в это время обозначились два потока. Первый полностью находился на западных позициях. В нем состояло организационное ядро ДемРоссии и именно из него вышли все видные демократы, занявшие затем государственные посты, как то: Гайдар, Чубайс, Степашин и т. п. А второй поток состоял из тех, кто был привлечен в Демократическую Россию собственно демократическим процессом, но кто вовсе не ставил себе задачу разрушения Советского Союза как формы российского государства.

Государственная дестабилизация, или, как ее тогда деликатно называли, «демонтаж СССР», шла как бы вторым планом за достижением демократических перемен, которую Демократическая Россия, естественно, выставляла как свою основную задачу.

До тех пор, пока шла борьба за демократию с КПСС, эта вторая задача в демократической пропаганде практически

не проявлялась. Однако с разложением КПСС-КПРФ она вышла на оперативный простор. Да и западные спонсоры требовали оплатить политические счета своего идеологического ленд-лиза. И вот эта вторая задача оказалась далеко не всем демократам по вкусу. По сути именно она привела вначале к расколу, а затем и к политическому краху ДемРоссии.

Надо сказать, что в ту пору иностранное политическое вмешательство во внутренние дела России носило крайне простой и незатейливый характер. В это время я был в руководстве Конституционно-Демократической партии, которая также входила ранее в Демократическую Россию; точнее, я начал в ней состоять тогда, когда она уже вышла из этого объединения. Так вот, помню, был момент, когда к нам в штаб-квартиру КДП пришел резидент ЦРУ в Москве собственной персоной. Это был достаточно симпатичный мулат, крайне вежливый, хорошо говорящий по-русски. Он пришел к нам, представился именно как резидент ЦРУ, и стал интересоваться, какова наша политическая позиция по самым разным вопросам. В первую очередь, относительно раздела Советского Союза. С нами не спорил, просто выяснял наши взгляды.

Беседа шла где-то часа полтора, после чего он поблагодарил, откланялся и ушел.

Само собой, после того, как наша позиция была изложена, а она была далеко не тождественна американской линии на раздел СССР, о которой нам также было хорошо извест-

но, никаких дальнейших контактов резидента с нами не было. Но где-то же он нашел понимание! И выяснил, на кого можно делать ставку, а на кого нет. Во всяком случае, для нас после этой беседы было очевидно, что этот контакт был вызван не простым любопытством, а задан необходимостью прощупать, на кого можно опереться на очередном этапе политической интервенции.

Тот период я бы назвал временем демократического беспредела. Для примера приведу такой факт. В Москве тогда оставалось множество союзных министерств, которые с разделом Союза, тотальной либерализацией и демократизацией фактически оказались совершенно не у дел. Хотя они и продолжали сидеть на массе материалов, в том числе и секретных, которые относились к различным областям советской экономики. И вот как-то по служебным делам я зашел в здание одного из этих министерств в центре, в районе Тверской. В ту пору в министерских зданиях уже действовали какие-то частные полупредприятия-полукооперативы, которые арендовали министерские площади и за счет которых работники министерств находили средства к существованию. Идя в одно из таких предприятий, я вдруг увидел, как в конце длинного министерского коридора (а в здание министерства вход еще был по пропускам) стоят два морских пехотинца США в полной форме. Ошалеv от этой картины, я спросил у проходивших сотрудников, что, собственно, происходит. Оказалось, что угол в этом министерстве снимает посольство Со-

единенных Штатов. Но самое любопытное – зачем.

Было объявлено, что правительство США предоставляет гранты на научные разработки, для чего предлагает всем работникам этого министерства и подведомственных ему предприятий приносить туда свои научные изыскания. Причем, с учетом специфики деятельности министерства было ясно, что эти изыскания имеют секретный характер. И якобы на основании их научной ценности будет вынесено решение, предоставить ли грант – несколько тысяч долларов – на их дальнейшее проведение или нет. Вот такая вот помесь конвенции с либерализацией.

Естественно, туда потянулись обнищавшие работники этих министерств и ученые со своими секретными разработками. Их документы тут же ксерокопировались и посылались через спутниковую антенну напрямую в Соединенные Штаты. Якобы для принятия решений.

Более явного и наглого способа выкачки секретной информации из страны было даже трудно себе представить. Поняв, о чем идет речь, я буквально обалдел. Но это происходило с ведома и при покровительстве демократических властей России прямо в ее столице, непосредственно в центре, управлявшем научно-техническим потенциалом страны.

Все это к тому, что политическая победа демократов стала отнюдь не просто победой демократии. Это была еще победа тех, кто финансировал Демократическую Россию, и после победы они торопились получить свои дивиденды. А долж-

ники, то бишь демократы, севшие на государственные должности, расплачивались с ними государственными интересами России.

Кстати, чтобы закончить историю со спутниковой антенной и морскими пехотинцами в советском министерстве. Естественно, я был не единственный сообразивший, что и для чего здесь делается. Но когда я спросил об этом работников министерства, они отреагировали просто: «Чего вы за наши секреты беспокоитесь, когда такая же антенна установлена прямо в зданиях ЦК КПСС, на Старой площади? Оттуда не то что секреты, а государственные тайны идут прямым потоком в Вашингтон».

Да, нам не раз твердили, что Советский Союз проиграл холодную войну. Но вряд ли кто ожидал, что ее проигрыш выльется в настоящий оккупационный режим.

В этот момент, казалось бы, тотального торжества демократии, когда стало возможным все – и присутствие морских пехотинцев в здании советского министерства, и полная свобода рук для резидента ЦРУ в Москве, – казалось бы, в этот момент должен был наступить долгожданный расцвет демократии. Главную объявленную цель Демократической России сейчас можно было осуществить спокойно и без всяких ограничений. И самым странным для многих из тех, кто из честных побуждений верил в эту цель, было то, что как раз именно в этот момент демократия и стала сворачиваться.

В частности, Ельцин как президент и лидер демократи-

ческого движения на V Съезде народных депутатов, проходившем в ноябре – декабре 1991 года, потребовал для себя чрезвычайных полномочий сроком на год. Ввиду трудностей переходного периода. Причем, эти полномочия означали, что указы президента могли противоречить российским законам! Буквально в последний момент этот беспредел был смягчен лишь одной косметической поправкой: если Верховный Совет не проголосует против этого указа в течение недели⁴. Иначе он вступает в законную силу. Но так как Верховный Совет, а уж тем более Съезд собирался периодически, а президент и его окружение действовали постоянно, каждый день, то это реально означало президентское правление без какого-либо контроля.

Кстати, как тут же выяснилось, эти чрезвычайные полномочия нужны были в первую очередь для подписания Беловежских соглашений о разделе СССР. Поскольку понятно, что такие вопросы в один миг не решаются, стало очевидным, что Ельцин и его команда прекрасно знали, для чего именно нужны им эти полномочия, но, естественно, добиваясь их, не обмолвились об этом ни словом.

Для искренних демократов это было первым шоком.

⁴ Вспомним о ваучере. Личные деньги, 1.10.2007.

1.4. Вождь демократов

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.